

Йоан Кулиану: в четвертом измерении

О.В. Горшунова

Идея существования скрытого знания, превосходящего знание... растет и укрепляется в умах людей при понимании ими неразрешимости многих стоящих перед ними вопросов и проблем.

Успенский П.Д. «Новая модель Вселенной»

В 1996 г. во время пребывания в Италии мне по случаю попала в руки только что вышедшая в свет книга американского автора Теда Энтона¹ «Эрос, магия и убийство профессора Кулиану» (*Anton 1996*).² Написанная в духе классического детектива, книга основана на реальных фактах: это результат многолетнего журналистского расследования и цикл биографических очерков, рассказывающих об удивительной судьбе и загадочной смерти хорошо известного в Новом и Старом Свете современного ученого – религиоведа и писателя Йоана Кулиану, трагически погибшего в 1991 г. Заполучив копию экземпляра, присланного автором моему коллеге - профессору Университета Салерно Д. Касадио, лично знавшего И. Кулиану, по возвращении в Москву я несколько раз в течение года пыталась дочитать ее до конца: некоторые факты биографии Кулиану и обстоятельства его смерти просто шокировали. К тому же, история жизни этого человека, как лакмусовая бумага проявляет ситуацию до боли знакомую многим нашим ученым не понаслышке, обнажая проблемы, которые у всех на слуху: взаимоотношения науки и власти, причины «утекания мозгов» и судьбы эмигрантов из бывшего соцлагеря, порой оказывающихся в плену собственных иллюзий и веры в западный миф, взаимоотношения внутри самого научного сообщества со всеми его интригами и прочими сложностями. Иными словами, в ней

Ольга Вениаминовна Горшунова — доктор исторических наук, научный сотрудник Центра этнополитических исследований (Группа религиоведения) Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доцент кафедры рисунка и живописи МГТУ им. А.Н. Косыгина. (Сокращенный и переработанный вариант настоящей статьи публикуется в печатной версии журнала «Этнографическое обозрение», №6, 2008).

есть все, что «наболело», но на что мы часто закрываем глаза, стесняясь говорить об этом откровенно и публично, и что лишь иногда скороговоркой упоминается в СМИ и на собраниях нашего научного сообщества. Разумеется, данная статья нисколько не претендует на освещение этих проблем. Моя задача скромнее – рассказать о талантливом ученом современности, незаурядной личности, который, как говорят сегодня, сделал себя сам, став человеком-легендой, для многих - символом свободомыслия, который, как и многие его предшественники, жившие в эпоху Ренессанса и бывшие предметом его исследований, поплатился за это жизнью.

В то время как за рубежом труды Кулиану регулярно издаются и переводятся на различные языки, во многих странах проводятся конференции, публикуются книги и статьи об ученом и его творчестве³, в России о нем и его работах почти ничего не известно даже специалистам в области религиоведения⁴. Эта первая в России статья, посвященная Йоану Кулиану, написана в надежде привлечь внимание специалистов, издателей и более широкой аудитории к его творчеству. Она основана на материалах, которые пришли ко мне разными путями, главным образом, во время зарубежных поездок, в том числе на конгрессы Международной ассоциации истории религий (IANR), в которой в свое время состоял Кулиану, в период моего полугодового пребывания в 2003 г. в Гарвардской Богословской школе, в Центре изучения мировых религий (CSWR), возглавляемом в это время Лоуренсом Саливаном, который был дружен с Йоаном, помогал ему, когда тот приехал в США, и написал предисловие к последней книге Кулиану, опубликованной уже посмертно (*Culianu* 1991c). В статье использованы публикации о Кулиану, его собственные труды, работы других авторов, а также переписка Й. Кулиану с М. Элиаде и содержание моих бесед с зарубежными коллегами, лично знавшими Кулиану, прежде всего с профессором Д. Касадио, за что я выражаю ему свою особую признательность.

Из тени отравленного прошлого

В ходе расследования убийства Йоана Кулиану полиция г. Чикаго обнаружила на столе его кабинета в Школе богословия Чикагского университета три ореха, привезенные кем-то с его родины - Румынии, с дерева в саду, где он часто играл в детстве. Друзья говорят, в последние годы он часто с ностальгией вспоминал свой родной город Яссы, его тенистые аллеи, извилистые мощеные улочки, и с восторгом восклицал «Вот увидишь, мы устроим такой праздник!», обсуждая с невестой Х. Виснер запланированную поездку в Румынию, первую за долгие годы эмигрантской жизни.

Йоан Кулиану родился 5 января 1950 года в семье аристократической интеллигенции, хорошо известной в городе и игравшей заметную роль в культурной жизни местной элиты. Его дед, как и еще раньше прадед, был ректором Университета в Яссах, одного из старейших университетов Румынии; отец - юрист и математик - тоже работал в этом университете и был заметной в интеллигентских кругах фигурой до тех пор, пока не потерял все, включая работу, в конечном итоге - жизнь, после

прихода к власти коммунистов. Не выдержав преследований, он помешался рассудком и умер на 51 году жизни, когда Йоан был еще ребенком. Кулиану не без гордости рассказывал друзьям о былом благополучии своей семьи, хотя этого всего он уже не застал. Все, что он помнил из своего детства - несколько тесных комнат, пропахших гниющей обивкой, в которые семья вынуждена была переселиться из большого дома, экспроприированного новой властью, и еще сад с ореховыми деревьями, окруженный высоким забором, где он играл в одиночестве, изолированный от детей из «благонадежных» семей.

Не получив от своих состоятельных предков каких-либо материальных благ, Йоан унаследовал от них нечто более важное - страсть к познанию. Вопреки сложным обстоятельствам, и благодаря своим способностям в 1967 г. он поступил в Бухарестский университет на факультет иностранной литературы, где занимался классическими языками (латинский, древнегреческий) и древними культурами, санскритом и индийской философией. Особый интерес он питал к философии и религии итальянского Ренессанса, отразившийся в его дипломной работе «Марсилио Фичино и платонизм эпохи Ренессанса» (1972). Вместе с двумя его более ранними работами о философии и магических аспектах творчества Джордано Бруно она легла в основу одного из его главных трудов - «Эрос и магия эпохи Ренессанса», который впервые был опубликован на французском языке (*Culianu* 1984) и позднее переведен на другие языки.⁵

Рано проявившийся яркий талант Кулиану как исследователя не остался не замеченным, многие ему прочили «звездное» будущее. Он был еще слишком молод, но достаточно амбициозен, уверен в себе, знал цену своим способностям и был полон желания реализовать их, во что бы то ни стало. Тогда казалось, он сможет одолеть проклятье, возложенное на семью и найти себе достойное применение. Однако перед окончанием университета случилось то, что оборвало едва пробившийся луч надежды. Как и других, отличившихся выпускников, его пыталась завербовать тайная полиция, поставив его перед выбором: пойти на сделку с совестью или отказаться от того, к чему чувствовал призвание. Для самого же Кулиану выбора не было. Но, отвергнув предложение сотрудничать с Секуритате, он оказался в положении своего отца – после окончания университета не мог получить работу по специальности и даже публиковаться. Несомненно, способный молодой человек нашел бы себе применение и в другой сфере. Однако наука была не только его призванием. Он должен был продолжить дело своих почивших предков (деда и прадеда), с которыми всегда ощущал внутреннюю связь. Конечно, он хотел, чтобы им гордились мать и сестра, которых он беззаветно любил. Но главное - его успех (и не просто успех, он должен был стать лучшим!) был для него самого своего рода вызовом системе, протестом и даже реваншем за гибель отца, за его собственное, как он говорил, «отравленное прошлое». В этой ситуации оставался лишь один выход – уехать из страны. В 1973 г. такая возможность появилась: Йоан получил грант от Итальянского министерства иностранных дел на кратковременную (летнюю) стажировку в Итальянском университете для иностранцев в г. Перуджи.

Во втором многотомном издании Энциклопедии религии, издававшейся в первый раз под редакцией М. Элиаде, говорится, что его пребывание в Италии было успешным. Он часто публиковался в журналах *Aevum* и *Studi e materiali di storia delle religioni*, написав множество статей и рецензий, касающихся различных областей истории религии и методологии исследований религий. Последующее направление его исследований прослеживается по статьям, опубликованным в престижных журналах, таких как *Numen* [после 1975] и *Revue de l'histoire des religions* [после 1976]... (Ciurtin 2005: 2079-2081). На этом я остановлюсь, чтобы показать, что стоит за сухими фактами биографии, чего стоило 22-летнему человеку стать «невозвращенцем», через какие тернии пройти и добиться успеха, которому завидовали его коллеги - молодые итальянцы, не сталкивавшиеся с культурно-языковыми, сугубо бытовыми и прочими трудностями эмигрантской жизни.

Стажировка была короткой, но этого времени было достаточно, чтобы понять - шансов остаться в Италии на легальном положении, а, следовательно, получить то, к чему он так стремился, почти не было. Он был обречен на бездомную жизнь и полуголодное существование, но не эти проблемы его волновали тогда. Мучительным было осознание того, что он сжигал все мосты: обратного пути в Румынию не было. Он знал, что, возможно, никогда уже не увидит мать и сестру, знал и то, что его «предательство» может иметь и для них печальные последствия.

Был последний день первого этапа его легального пребывания в Италии. Другие румынские стажеры паковали чемоданы. Приехавшая с той же целью в Италию одна из соотечественниц Кулиану, его друг, рассказывала, что с первого до последнего дня пребывания в Италии он мучительно принимал решение, от которого зависела судьба его и его близких. Срок стажировки был продлен на пару месяцев, но все же день пришел, когда нужно было принимать бесповоротное решение. Он остался, и жизнь его тут же изменилась. Лишившись права дальнейшего пребывания в Италии, он вместе с тем лишился и всего остального – жилья, средств к существованию, нормальных условий для научной работы и т.д. Иногда знакомые итальянцы предоставляли ему временный кров, но в конечном итоге, как обычный *émigré*, он оказался в лагере для беженцев в Риме. Репетиторство, мытье посуды в ресторанах, чистка общественных туалетов... К этому ли он стремился? Во имя чего такие жертвы? Надежда еще была, хотя и слабая: он писал проекты и отправлял их в различные итальянские университеты в поиске возможности продолжить дело, которому собирался посвятить всего себя. Но мысль о том, что цель не только не приблизилась, но двигалась в прямо противоположном направлении, подавляла. Иногда он чувствовал приступы депрессии, и в один из таких моментов произошло то, чего он боялся больше всего. Из Румынии пришло известие о неприятностях в семье. Мать и сестра «невозвращенца» потеряли работу. Это было последней каплей, повлекшей за собой попытку самоубийства: перерезав вены на обоих запястьях, он лишь чудом остался жив. Подробности этой истории не известны; Кулиану не рассказывал об этом даже тем, с кем был дружен, и всегда носил рубашки с длинными рукавами, тщательно скрывая следы.

Времена меняются

«Tempora mutantur» - любимое выражение оптимистичных итальянцев, которое, возможно, слетело с уст Кулиану, когда произошел новый поворот в его жизни. В ноябре 1974 г. он узнал, что успешно прошел конкурс и получил стипендию от Итальянского Национального совета по исследованиям для продолжения образования в одном из престижных гуманитарных вузов страны - Миланском католическом университете Сакро Куоре (Universita Cattolica del Sacro Cuore). Ему уже не надо было думать о своем статусе, о том, как выжить (помимо стипендии он получал жалование, поскольку его взяли на должность помощника профессора). Но главное – у него появилась возможность двигаться к цели.

Расположенное в бывшем бенедиктинском монастыре Сан Амброджио здание университета с его величественными колоннадами галерей, образующими внутренние живописные дворики, многочисленными скульптурами святых и фресками эпохи Ренессанса, все еще хранит аромат прошлого, сочетающий в себе нечто мистическое и возвышенное. Находясь там во время своей недавней поездки на конференцию, глядя на все это великолепие, я пыталась представить, что ощущал в стенах «Святого Сердца» человек, который еще совсем недавно был в полном отчаянии, не

видя выхода из тупика. Невольно вспомнилась прочитанная в одной статье фраза, произнесенная коллегой и другом Й. Кулиану Ф.Е. Рейнольдсом в день его смерти: «У него были все основания чувствовать себя на вершине мира. Перед ним открылось все». Хотя сказанное относилось, видимо, к его американскому периоду жизни, когда он уже был известным в мире специалистом-религиоведом, взлет его научной карьеры начался именно отсюда, из Сакро Куоре. Здесь Йоан занимался греческим языком, ивритом, более всего – историей религий, посещая лекции по гностицизму современного итальянского «классика», профессора Уго Бьянки, который сделал его своим помощником. Почти сразу он начал работать над докторской диссертацией под руководством того же Бьянки, защитив ее уже через два года. Диссертация под названием «Гностицизм и современная философия: Ганс Джонас» легла в основу его монографии, изданной в Риме 1985 г. под тем же названием (*Culianu* 1985). Хотя этот этап был очень успешным и продуктивным, очевидцы говорят, что Кулиану почти всегда был замкнут в себе, грустен, очень редко и мало говорил о личном даже с теми, с кем был дружен; его не видели на вечеринках в университете. Но неожиданно он становился общительным и оживленным, когда встречал здесь кого-нибудь из соотечественников. Когда на конференции появлялся какой-нибудь румын, вспоминает Д. Касадио, он забывал обо всех, никогда не оставался с участниками на фуршет или банкет, а уединялся с гостем для приватной беседы где-нибудь в баре.

В 1976 году Кулиану покинул Италию, уехав в Нидерланды, где преподавал в Институте романской филологии г. Гронингена историю религий, историю культуры Румынии, посещал курсы лекций по магии профессора Г.Г. Киппенберга, и провел здесь в общей сложности 10 лет жизни. В это же время он работал над двумя последующими своими диссертациями под руководством известного французского историка и антрополога религий, профессора Мишеля Меслина, с которым познакомился в Ланкастере в августе 1975 г. на конгрессе Международной ассоциации истории религии (ИАИР). Обе диссертации защищались в Сорбонне. Одна из них связана с темой экстатических техник и символикой путешествий в иные миры, которые рассматриваются в широком культурно-временном диапазоне - от эллинизма до ислама (*Expériences de l'extase et symboles de l'ascension, de l'Hellénisme à l'Islam*, защищена в 1980); другая представляет собой исследование дуализма на основе анализа западной мифологии (*Recherches sur les dualismes d'Occident: Analyse de leurs principaux mythes*, защита состоялась в 1987). В этот же период были опубликованы две его монографии на французском языке, пополнившие список основных работ Кулиану, которые в последствии были переведенные на итальянский язык⁶.

Это время было насыщено событиями не только связанными с его научной деятельностью: В Нидерландах он познакомился с румынской эмигранткой по имени Зоя и женился, но союз оказался не прочным. В 1986 г. он встретил другую женщину – американку, студентку Гарвардского университета Хиллари Виснер, которая позднее стала его невестой и соавтором ряда работ. В последние годы пребывания в Европе он много ездил по миру, но как отмечали его коллеги, он все реже появлялся на ев-

ропейских конференциях, и все чаще его видели в США – в Чикагской Богословской школе, возглавляемой тогда его знаменитым соотечественником Мирчей Элиаде.

Слепящее солнце гуру

Своей блистательной карьерой, помимо необычайных способностей и личных качеств, Кулиану обязан ряду выдающихся ученых, с которыми и под руководством которых ему довелось работать в различных странах мира. Но его главным мэтром стал Мирча Элиаде - «интеллектуальный гуру мировой величины», как его называют на Западе. Встреча с ним в 1975 г. сыграла ключевую роль в жизни молодого ученого, но история их взаимоотношений, не лишенная драматизма и вопросов, на которые нет простых ответов, началась раньше.

Формирование Кулиану, как ученого, и как личности происходило под сильным влиянием «элиадизма». Несмотря на «табу», наложенное румынской цензурой на публикации М. Элиаде, Йоан находил возможность изучать ранние труды опального ученого-эмигранта еще до поступления в университет. В студенческие годы, когда он уже точно знал, как собирается распорядиться своей дальнейшей жизнью, и круг его интеллектуальных запросов был предельно ясен, его отношение к Элиаде было, очевидно, таким, какое часто возникает у молодого исследователя к какой-либо ученой знаменитости, которая становится буквально путеводной звездой. Дипломная работа Кулиану не случайно тематически была очень близка диссертации Элиаде на соискание степени магистра, которая также была посвящена философам итальянского Возрождения - от Марсилио Фичино до Джордано Бруно. Если сравнивать направления их научных поисков, можно сказать, что Кулиану буквально шел по следам своего кумира. Темы, проходящие «красной нитью» в его работах, начиная с самых ранних - эрос, магия, смерть, экстатические техники и путешествие в иные миры, и многие другие - были основными в творчестве Элиаде. Показательно и то, что первой монографией Кулиану была его книга «Мирча Элиаде», изданная в Италии в 1978 г. (Culianu 1978).⁷

Параллели в жизни этих двух людей можно увидеть не только в области профессиональной. Элиаде и во многом другом (если не сказать больше) был для Кулиану образцом, примером для подражания, чью судьбу, осмелюсь предположить, он пытался повторить, и принимая решение покинуть Румынию. Не только вынужденные обстоятельства, но и восторг, желание приблизиться к «светилу», кажущемуся недостижимым и таким влекущим, заставляло его двигаться к цели, невзирая на последствия – так в двух словах можно охарактеризовать то, что значил для Кулиану Элиаде. Он мечтал о встрече с «гуру» и верил в то, что его кумир когда-нибудь «в реальности» станет его учителем и наставником; он надеялся, что тот примет участие в его судьбе. По приезду в Италию он написал письмо Элиаде и с нетерпением ожидал ответа. (По некоторым сведениям, он написал ему еще раньше, из Румынии и даже получил обнадеживающий ответ). Когда срок стажировки уже подходил к

концу, долгожданное письмо было получено. Однако вместе с ним пришло и освобождение от иллюзий: Элиаде желал молодому человеку успеха, в вежливой форме дав понять, что пока ничем помочь не может. Потрясение было сильнейшим, ведь это был единственный шанс и самое весомое «за», которое перевешивало всевозможные «против», когда Кулиану принимал самое трудное в его жизни решение. Но это обстоятельство не изменило его отношения к Элиаде; преданность своему кумиру он будет хранить всегда, даже в самые горькие минуты разочарований.

Впервые они встретились в Школе богословия Чикагского университета, куда Кулиану, будучи еще аспирантом Миланского католического университета, отправился на 4-месячную стажировку. С того времени их отношения, профессиональные и личные, становились крепче и сильнее, несмотря на то, что еще долгие годы после первой встречи их разделял океан. Как-то в разговоре о Кулиану с одним зарубежным ученым мой собеседник обронил фразу: «Без Элиаде не было бы Кулиану». Возможно, но история, как известно, не знает сослагательного наклонения. К тому же, Йоан обладал феноменальными способностями, и во многих вопросах не уступал своему учителю. Он свободно владел восемью языками (как и Элиаде), был специалистом в различных областях знания, кроме религиоведения (антропология, когнитивистика, лингвистика и филология, философия, политология и др.). Дожив до своего 41 дня рождения, он успел защитить три диссертации, стал автором 17 книг⁸ и сотен статей, огромное научное значение которых у специалистов не вызывает никаких сомнений. Коллекция его работ, издающаяся сейчас в Румынии, предположительно составит 40 томов. Не стоит сбрасывать со счетов и тот вклад, который внес Кулиану в «дело жизни» самого Элиаде. Практически сразу после их встречи в США и до последнего дня своей жизни он занимался изданием трудов своего учителя, писал рецензии на его книги и статьи, заканчивал то, что не успел сделать Элиаде при жизни. Однако было бы, по меньшей мере, неосмотрительно, рассматривать отношения этих двух людей сквозь призму общих, сугубо профессиональных, интересов. Они были гораздо сложнее, глубже, личностнее. Кулиану был не просто учеником, а «любимым» учеником, о чем Элиаде много раз говорил и писал в своих мемуарах (*Eliade* 1990), в предисловиях к книгам Кулиану (*Culianu* 1978, 1987). Позднее ученик стал коллегой и доверенным лицом. «Мое восхищение Кулиану искренне и безгранично», - говорил Элиаде (Цит. по: *Casadio* 1993: 8). Он назначил Кулиану своим литературным душеприказчиком (*literary executor*), о чем сообщил ему в письме за три года до своей смерти (*Eliade, Culianu* 2004: Letter 92. March 3, 1983). В 1986 г., когда дни его были сочтены, Кулиану приехал в Чикаго в качестве приглашенного профессора Школы богословия, и остался здесь навсегда. В апреле того же года, в последний день жизни Элиаде, Кулиану находился подле смертного ложа своего умирающего мэтра.

Эту историю двух людей можно было бы назвать идеальной, но ничего такого, как известно, в «нашем» мире не бывает. И в ней была ложка дегтя, возможно, единственное по-настоящему серьезное обстоятельство, омрачившее их отношения - некоторые факты биографии Элиаде, его связь с «Железной гвардией» - ультраправой

организации, идеология которой сочетала в себе фашизм, мистику, христианские идеи, и деятельность которой основывалась на терроризме, погромах (прежде всего евреев), политических убийствах и т.д.

Тот факт, что Элиаде был причастен к движению гвардейцев сегодня почти ни у кого не вызывает сомнений. Одни считают, что он был главным идеологом движения, его вдохновителем. Сами гвардейцы его называли «одним из нас». Другие полагают, что слухи о его ключевой роли в этом движении слишком преувеличены, и сам Элиаде был введен в заблуждение его учителем, Нае Ионеску (см. ниже).

Известно, что в 1938 году Элиаде по политическим мотивам был сначала отстранён от работы в Бухарестском университете, а затем арестован и заключен в концентрационный лагерь, когда король Румынии Кароль II начал войну против Железной гвардии (*Garda de Fier*), в содействии которой ученый подозревался. Известно также, что Элиаде отказался подписать публичное отречение от «Железной Гвардии». Несколько месяцев спустя у него возникли серьезные проблемы со здоровьем, и он был переведён в клинику в Мороени из-за подозрения на туберкулез, а 12 ноября 1938 года освобождён без каких-либо обвинений. В начале-середине 1940-х гг., в «фашистский» период правления Антонеску, Элиаде перешел на дипломатическую работу (в 1940 г. занимал пост атташе по культуре при посольстве Румынии в Лондоне, в 1941-1944 гг. в Лиссабоне). В 1945 г., не дожидаясь прихода к власти коммунистов, он решил не возвращаться на родину и отправился во Францию, где благодаря своим связям в академических кругах (прежде всего с Жоржем Дюмезилем), он опять начал преподавать и полностью ушел в мир науки. О его политическом прошлом почти забыли, но в середине-конце 1970-х гг., именно в то время, когда между Кулиану и Элиаде завязываются отношения, оно вновь дало о себе знать.

В различных европейских изданиях появились публикации, в которых Элиаде обвинялся в причастности к Железной гвардии. В 1976 г. в «Энциклопедии Европы», изданной в Италии, в статье об Элиаде (без имени автора) ученый был выставлен «одним из самых ярких защитников (...) традиционного права в гуманитарных науках» (*Enciclopedia* 1976: 449), в другом энциклопедическом издании, вышедшем в следующем году также в Италии, Амброджио Донини, автор статьи «Феноменология религии», назвал его антисемитом и филонацистом (*Donini* 1977:189). Нападки не прекращались и в последующие годы. Элиаде довольно вяло реагировал на все это, но Кулиану, который верил в непогрешимость своего учителя, был серьезно озабочен и расстроен. Сначала намеками, затем открыто он пытался вызвать Элиаде в своих письмах на откровенность: писал, что этот вопрос необходимо прояснить и прокомментировать в приложении готовящихся в то время к публикации трудов Элиаде, редактором и рецензентом которых был Кулиану.

Смутные подозрения появлялись, иногда они переходили в уверенность. Кулиану смущали некоторые совпадения, обнаруженные им в мифологии Железной гвардии и работах Элиаде. Читая сочинение основателя движения К. Кодряну *Pentru legionari* (Моим легионерам), присланное ему Хорией Стамату, как говорят, по совету само-

го профессора, он пришел к выводу, что рассказ Элиаде «Великий человек» (*Eliade* 1969) был аллегорическим портретом Кодряну, что его роман «Запретный лес» (*Eliade* 1971) – это история создания движения, и что литература профессора отозвалась эхом во многих моментах истории Железной гвардии. 10 января 1977 г. в своем дневнике он написал: «Читаю *Pentru legionari* в полном отчаянии: его безумный антисемитизм ужасен». Касаясь мучительного для него вопроса, он пишет: «...я не могу согласиться с ним [Элиаде – О.Г.]...я нахожу идеологию Железной гвардии столь же отвратительной, как и коммунистическую. Они так похожи... Неожданность, что М.Е. [Мирча Элиаде – О.Г.] был сторонником тоталитарного движения и остался преданным своей мифологии, переполняет меня горем...». Но даже после «прозрения», находясь в подавленном состоянии, он написал дней двадцать спустя в своем дневнике: «И все же я так его люблю, несмотря ни на что» (*Eliade, Couliano* 2004: прим.2). Он не лукавил, когда называл Элиаде «величайшим ученым», и был искренним в своем стремлении «докопаться» до истины, как бы ни была она ему отвратительна.

В мае 1979 г. он отправил из Гронингена очередное письмо профессору, в котором сообщал о других скандальных публикациях, появившихся опять же в Италии, с очередными обвинениями в адрес Элиаде. Итальянский германист, историк и писатель Фурио Джеси, рассуждая в своей книге «Культура правых» о терроризме в Италии, как «эманации» политики правых, утверждал, что Элиаде в этой «культуре» играл более разрушительную роль, чем сам Эвола⁹ (*Jesi* 1979). В статье Энрике Филиппине, опубликованной в *La Repubblica* в том же году эта тема также была озвучена, и кроме прочего, в ней утверждалось, что «профессор М.Э. сдавал румынских евреев СС, тем временем, занимаясь написанием серьезных книг по истории религий» (*Filippini* 1979). Называя эти обвинения безумными, глупыми и необоснованными, Кулиану пишет в письме Элиаде: «...я все же задаю себе вопрос – откуда он взял эту (несомненно, ложную) информацию?» (*Eliade, Couliano* 2004: Letter 64. May 11, 1979).

Желая знать всю правду и проявляя настойчивость, Кулиану вряд ли хотел «вывести на чистую воду» своего учителя, которого не просто уважал, но ставил выше всех, кого когда-либо знал. Он был убежден, что его «самый уважаемый Профессор», как он всегда обращался к нему в письмах, должен публично опровергнуть слухи. Нападки некоторых авторов, скомпрометировавших себя симпатией к коммунистам или связями с «тоталитарными режимами», в частности упомянутый Донини¹⁰, не могли пошатнуть его веру в учителя. Он не верил даже своему другу и коллеге Роберту Сканье, написавшему диссертацию об исследованиях Элиаде. Кулиану считал, что эта работа «необходима» для глубокого понимания творчества и мировоззрения Элиаде (*Culianu* 1998: 27). Но Сканье все же выявил некоторые факты, позволившие ему говорить о былой связи Элиаде с Железной гвардией.¹¹ Это было единственным, с чем Кулиану не мог согласиться.

Пролить свет на все это мог только один человек – сам Элиаде, единственный, кому Кулиану безоговорочно верил. Его попытки вызвать учителя на откровенность какое-то время, казалось, оставались без внимания, но однажды Элиаде загово-

рил... Он писал, что его связь с Железной гвардией была опосредованной, через Нае Ионеску¹², и это никак не влияло ни на его мышление и ни на то, что он писал. Эти слухи, как он утверждал, были лишь предлогом для того, чтобы отстранить его от участия в Конференции в Университете, и клевета, жертвой которой он был в период 1944-1968 гг. и дома, и за рубежом... В то же время он не был категоричен в оценке деятельности гвардейцев и их лидера. Вот несколько цитат из его письма Кулиану от 17 января 1978 года: «Я не особенно доволен ссылками относительно К.З.К. [Корнелиу Зеля Кодряну – О.Г.], поскольку это может вызвать недоумение... не знаю, что и думать; он был, конечно, честным человеком и сумел привести целое поколение в чувство; но поскольку ему не хватало политической проницательности, он также допустил лавину репрессий... обезглавившую целое поколение, которое он 'привел в чувство'...» (*Eliade, Culianu* 2004: Letter 40, Jan. 17, 1978).

Ответы Элиаде не были убедительными и прозрачными, когда речь шла о его политическом прошлом. Он так и не сказал Кулиану всего, что тот ожидал услышать, но дал ему возможность узнать всю правду: после смерти мэтра Кулиану, как его душеприказчик, получил доступ к личному архиву покойного. Со слов Д. Касадио, когда Кулиану спросили, какова доля истины в слухах о прошлом Элиаде, он ответил: «Больше, чем мне бы того хотелось». Был ли жест Элиаде высшим проявлением доверия и искренности? Может быть, это было актом раскаяния? Об этом можно лишь догадываться.

Вообще, Мирча Элиаде никогда не отрекался от того, что когда-либо писал, никогда не признавался (во всяком случае, публично) в своих политических «грехах», он никогда их не признавал. Но столь харизматичную личность не могла не волновать собственная репутация не только прижизненная - посмертная особенно. Возможно, именно поэтому в диалоге со своим учеником он всячески обходил неудобную для себя и «больную» для Кулиану тему, и когда речь шла о его собственной политической судьбе, и когда возникали вопросы о прошлой и современной истории Румынии. «Я чувствую дискомфорт, когда речь идет о моих политических взглядах», признавался он, ссылаясь на то, что «полный отчет» по этому вопросу занял бы сотни или даже тысячи страниц, и что у него нет ни времени, ни желания делать это. Он не только не проявлял большого желания касаться всех этих вопросов, но и пытался увести Кулиану от скользкой темы: «Не думаю, что кто-либо может написать объективную историю движения Железной гвардии или нарисовать портрет К.З.К. Доступных документов не достаточно...» (*Eliade, Culianu* 2004: Letter 40, Jan. 17, 1978).

Действительно ли так думал ученый, который только тем и занимался свою жизнь (и делал это великолепно), что пытался найти ответы на сложнейшие исторические вопросы, которые невозможно осветить на основании документов из-за их полного отсутствия?

В его послании Кулиану, датированном 13 февраля 1978 г., он пишет: «Я знал уже в 1938 г. (и я говорил об этом - но только друзьям!), что наше поколение было обделено политической судьбой (в отличие от поколения наших отцов, которые создали

«Великую Румынию»). Если бы я знал, что тебя заинтересует этот вопрос, то показал бы, когда ты был в Чикаго, все статьи, которые я опубликовал в период эмиграции в 1946-1960 гг. Хотя меня так же, как всех остальных, волновало то, что происходило в нашей стране, и я выступал против действующего режима, мой взгляд на проблему был таковым: эмигранты не могут сделать ничего, что могло бы непосредственно повлиять на политическую ситуацию; наше единственное «политическое оружие» - культура; все, что создано румынами, что действительно значимо, - это шанс выжить; поскольку в стране [Румынии – О.Г.].. история, филология, литературная история и т.д. фальсифицированы, наша задача «делать науку» и говорить то, о чем ученые в стране не могли говорить». В конце того же письма он добавляет: «Постарайся сохранять нейтралитет, и держись на расстоянии от итальянцев (и даже голландцев). Твое призвание и судьба предназначены для ‘других горизонтов’. Ты должен любой ценой закончить и опубликовать свою диссертацию» (*Eliade, Culianu* 2004: Letter 41, Feb. 13, 1978).

В этих строках, настойчивом и одновременно деликатном наставлении, в желании «перевести стрелку», можно почувствовать ноту беспокойства Элиаде, его опасение - не за собственную репутацию, а за судьбу Кулиану, стремление отвести его от возможной беды. Это особенно чувствуется в строках того же письма, где он пишет: «... 'объективное' отношение [к истории Румынии – О.Г.] может оказаться фатальным для автора, который попытался бы это сделать... После Бухенвальда и Аушвица даже честные люди уже не могут позволить себе быть 'объективными'...». Очевидно, Элиаде знал гораздо больше о современном состоянии дел (о политической ситуации в Румынии, о страстях, бушующих в среде румынских эмигрантов за рубежом, о том, насколько опасны игры на этом поле политической арены), чем мог сказать об этом человеку, которым дорожил, понимая, что «вся истина» может его погубить не в переносном, а в буквальном смысле.

Игра ума

Диапазон профессиональных интересов Кулиану, касающихся различных аспектов истории и феноменологии религии, очень широк, но основное его внимание было сфокусировано на некоторых сложных и чрезвычайно интересных темах: экзотатические техники в различных религиозных практиках, оккультизм, гностицизм, мистический дуализм и т.д. Эти «вечные» темы в его работах получили новое звучание, благодаря оригинальной и до сих пор далеко не всегда одобряемой консервативно настроенной частью гуманитарного бомонда (историками религии, в основном) трактовке источников и очень смелой методологии с использованием подходов, теорий естественных и других дисциплин для объяснения исторических процессов и феномена религии. Много нареканий вызвала его работа «Мифы западного дуализма», первоначально изданная в Италии (*Culianu* 1989)¹³, в которой Кулиану буквально бросил вызов «старой школе», утверждая, что исследовать исторические корни дуалистических мифов в разных культурах абсолютно бесполезно, так как природа самого принципа дуализма, который является же и «принципом функционирования», и «принципом производства» и т.д., универсальна. Иными словами, дуализм существует сам по себе, независимо от каких-либо мифических «воплощений», как априорная структура, запущенная самим механизмом мышления. Отталкиваясь от идей Элиаде, который еще раньше установил связь между дуалистической мифологией и системой бинарной классификации, Кулиану практически пришел к заключению, что дуалистическое видение – ни что иное, как логическое следствие работы мозга, состоящего из двух полушарий.

В поиске ответа на извечный вопрос «Что есть религия?» путем скрупулезного сравнительно-исторического анализа гетерогенных по своей форме моделей религиозно-мифологического видения, мистических образов и эзотерических практик, исследуя явления не только традиционные, но и те, что относятся к так называемым религиям Нового Века (*New Age religions*), он все больше приходит к выводу о

необходимости изучения феномена религии как системы универсальной, объяснение которой невозможно без использования методов точных и естественных наук, особенно тех, что связаны с исследованием процесса мышления.¹⁴ В то же время он призывает не относиться скептически к достижениям «предшественников» современной науки – магии, гностицизму и т.д. В предисловии к первой главе своей последней книги, посвященной исследованию истории постижения Вселенной через мистические практики (экстатические путешествия в «иные миры», различные формы измененного состояния сознания [ИСС], состояния близкого к смерти [СБС] и т.д.), он говорит, что физики и математики в значительной степени ответственны за то, чтобы вернуть интерес к методам мистического познания мира. Они [предшественники – О.Г.] уже сделали шаг вперед, утверждая, что эта видимая Вселенная лишь условность, основанная на нашем восприятии, и что удивительные, невообразимые миры спрятаны в мелких частицах, возможно даже в близком пространстве, окружающем нас (*Culianu* 1991c: 12).

Благодаря своим оригинальным идеям, нестандартному подходу к исследованию религии, не говоря уже о бездонной эрудиции и литературном таланте, Кулиану стал одним из самых читаемых в США современных «академических» авторов. Но, пожалуй, наиболее важным фактором популярности его трудов среди широких масс было то, что отличало его от других историков религии, и что сделало его объектом критики со стороны «консерваторов» - страсть, с которой он придавался своему занятию, предмету своего исследования. Резонно задать вопрос: Каково было личное отношение Кулиану к религии? Мнения по нему полярно расходятся даже среди хорошо и давно знавших его людей.

Единственное, в чем сходится большинство – он не был «верующим» человеком в привычном понимании. Йоан происходил из еврейской семьи, знал иврит и много писал об иудаизме. Но, разговаривая с людьми, знакомыми с ним лично, мне ни разу не довелось слышать о том, что он был иудеем по своим убеждениям. В Италии ходили слухи, что Кулиану собирался стать католиком, когда работал у профессора Уго Бьянки. Однако, как сказал мне Д. Касадио, писавший диссертацию под руководством того же профессора в то же время, что и Кулиану, «это полный бред: Уго Бьянки был ревностным католиком и критиковал Кулиану как раз за его взгляды и методы, которые противоречили его [Бьянки] религиозным убеждениям».

Многие полагают, что Кулиану был скорее светским человеком. Ему не были чужды маленькие человеческие слабости: как говорят, он «любил быть хорошим потребителем», любил красивые вещи и заказывал их по глянцевым каталогам, ценил хорошее итальянское вино, был галантен с женщинами, нравился им и отвечал им взаимностью. К тому же, говорят некоторые, по его собственному определению, религия – это ни что иное, как просто «игра ума». Но можно ли допустить, что столь незаурядная личность, человек с глубочайшим, тонким внутренним миром не верил, что называется, ни в Бога, ни в черта? И что в его понимании означало «игру ума»?

Среди коллег Кулиану и тех, кто исследовал его работы, широко бытует мнение,

что он не просто интересовался мистицизмом, оккультизмом, магией и т.д., но и сам был мистиком, оккультистом, магом. Т. Энтон в своих статьях и книге о Кулиану пишет, что профессор проводил сеансы со студентами и аспирантами, на которых демонстрировал мастерство предсказателя, используя старинные карты и различные «магические» техники. Его «прогнозы» поражали точностью даже самых скептически настроенных людей. В одном из эпизодов книги Т. Энтон рассказывает, как Кулиану раскрыл секреты одной из своих студенток – озабоченность карьерой, которую та тщательно скрывала от других, и оскорбленные чувства из-за любовного треугольника, в который она попала. Это было точно в цель и «ударило меня как ветром», призналась она. Т. Энтон, ссылаясь на свидетельства студентов и аспирантов покойного профессора, пишет, что Кулиану во время лекций в Школе богословия призывал студентов и аспирантов отбросить неверие, чтобы стать хорошими «детективами», способными проникнуть в сферу оккультного (Anton 1992). Некоторым косвенным свидетельством, штрихом к его «религиозному» портрету, может быть признание невесты Кулиану Хиллари Виснер: «Он изобрел своего рода религию, сосредоточенную на мне..., мои друзья не могли этому поверить».

В статье о Кулиану Д. Касадио пишет, что он балансировал на опасной грани между изучением религий и практикой собственной религии. (Casadio 1993:8). В разговоре с автором статьи, который не только был дружен с покойным профессором, но и хорошо знаком с его творчеством, я поинтересовалась, что он думает по поводу оккультизма Кулиану. «Никакой магической силой Йоан не обладал, он просто был слишком увлечен оккультизмом, изотеризмом и т.д. как ученый, - ответил он и, подумав, добавил, - правда, в некотором смысле он предсказал и мою судьбу».

Сам Кулиану об этом не говорил прямо (хотя многие считают, что его действия говорят сами за себя). Однажды кто-то из студентов, бывавший на его сеансах спросил: «Как это работает?», на что Кулиану ответил: «Это работает, потому что работает». В предисловии к одной из своих книг Йоан вспоминает случай, который произошел с ним в мае 1985 г. в Шамбери во время конференции во Французском исследовательском центре, где он делал доклад на тему «Магия в эпоху Ренессанса». В аудитории оказались три дамы, представившиеся «настоящими» ведьмами, обвинившие докладчика в том, что он говорит о вещах, о которых не может судить из-за отсутствия какого-либо собственного опыта в области оккультизма. «Я охотно согласился с этим, - пишет он, - и смиренно попросил их с пониманием отнестись к бедному историку, который лишь выполняет свою работу». Он сообщает также другие любопытные детали, связанные с этим случаем: после этого инцидента несколько человек, присутствовавших в аудитории, потеряли сознание, а у него самого, как и у его коллеги-африканиста Ханса Витте, появилась страшная головная боль, которая не проходила даже после того, как они ушли из конференц-зала. Они с коллегой попытались найти этому случаю рациональное объяснение, исключая воздействие магических заклинаний ведьм, но Кулиану все же принял решение «в будущем воздерживаться от подобных лекций» (Culianu 1987: xvi). Этот эпизод дал пищу

для размышления и тем, кто считал Кулиану оккультистом, и их оппонентам.¹⁵ Хотя он был неоднозначен в обсуждении своих магических способностей, он не скрывал своей веры в силу магии. В начале мая 1991 г., незадолго до своей смерти, Кулиану выступал на конференции, посвященной американской научно-фантастической литературе, которая проходила в «Хилтоне» Шаумбурга (штат Иллинойс). Он читал доклад по магии Ренессанса и участвовал в секции, где обсуждался в частности вопрос: Всякая ли магия является вредной? Магия – это не беспорядок, сказал он, наоборот, она способна восстановить мирное сосуществование между сознательным и бессознательным, когда оно находится под угрозой.

Многие судят о пророческих способностях ученого по его рассказам, написанным в жанре фантастики и детективных историй, публиковавшихся в *Exquisite Corpse*¹⁶ в США и в журналах других стран мира. В них описываются события, которые имеют поразительные сходства с тем, что впоследствии, через несколько месяцев или лет, действительно происходило. Так, в коротком фантастическом рассказе «Вторжение в Джорманию» (искаженное название Румынии), опубликованном в Италии еще до переворота в Румынии 1989 г., описывается мятеж, аналогичный тому, что предшествовал перевороту и свержению Чаушеску. Второй рассказ, также опубликованный до известных событий на родине Кулиану, «Свободная Джормания» (*Culianu* 1990) – об уже состоявшейся революции, о том, какую роль сыграла в ней тайная полиция. Некоторые детали этой фантастической истории, например, эпизод с показом фильмов, где фигурировали эксгумированные трупы нищих, выдаваемые лидерами переворота (из числа состоявших в тайной полиции, служившей прежнему режиму) за тела убитых повстанцев, совпадают с тем, что в действительности позднее имело место в Румынии (*Anton* 1992). Главное, что подчеркивают многие, видя в рассказах Кулиану пророческий подтекст, он знал не только о том, что все это произойдет, но и то, что революция в Румынии окажется, на самом деле, лишь «псевдореволюцией».

Он писал и об убийствах, которые многие сравнивают с его собственным и считают, что он предвидел свою смерть. Его предчувствие близкого конца некоторые усматривают в странностях поведения. Х. Виснер незадолго до убийства Кулиану заметила, что он был необычно рассеян и расстроен, настаивал, чтобы она не уезжала в Кембридж, и когда смотрел на нее, провожая в аэропорту, выглядел таким подавленным, каким она никогда его раньше не видела. Как будто на его плечах была тяжесть всего мира, говорила она, думая тогда, что ему просто нужно хорошо отдохнуть. За неделю до смерти Кулиану проводил в Богословской школе Чикагского университета международную конференцию под названием «Другие Реальности: Смерть, экстаз и путешествие в иные миры в современных исследованиях», где, как сказал его коллега Г.Д. Бетц Д. Касадио, он говорил о смерти и загробной жизни как о чем-то близком и знакомом ему (*Casadio* 1993: 7). Действительно, даже при первом взгляде на библиографию Кулиану нетрудно заметить, что исследованию вопросов, связанных с такими понятиями как смерть, жизнь после смерти, путешествие в иной мир и т.д. он уделял повышенное внимание. К моменту его смерти уже находилась в печати книга, посвященная «пу-

тешествию в иные миры» (*Culianu* 1991с), еще раньше он опубликовал монографию под названием «Психанодия I: Исследование свидетельств, связанных с вознесением души...» (*Culianu* 1983), которую многие считают его главным шедевром.

Конечно, многим этим «чудесам» можно, если постараться, найти «реалистичное» объяснение. Предсказания относительно грядущих политических событий в Румынии – Джормании, как можно догадываться, в значительной степени основывались на его отменном знании истории собственной страны, положения дел в современной политической ситуации Румынии, за которой он пристально следил в течение всех лет эмиграции, которую знал «изнутри» и мог анализировать на собственном опыте, на опыте своих близких. Феноменальные аналитические способности и особенно интуиция (о чем многие говорят) также помогали ему ставить точные «прогнозы». И предчувствиям собственной скорой смерти можно найти простое объяснение. В ходе расследования обстоятельств его гибели выяснилось, что за некоторое время до трагедии в его жизни стали происходить странные события (за месяц до этого из его дома был похищен компьютер, документы и другие вещи, что, как он признался одному своему другу, было «предупреждением»), он получал звонки и письма с угрозами в свой адрес (об этом см. ниже).

Что касается его магических сеансов, надо учитывать, что Кулиану, как специалист в области оккультизма, отлично знал, и, можно предположить, испытывал «на себе» различные магические приемы и экстатические техники. Не исключено, что сеансы, которые он проводил со своими студентами, были отчасти «трюком», рассчитанным на то, чтобы привлечь внимание своих подопечных к предмету изучения. Иногда в своих опытах прорицателя он попадал в цель, но ведь никто не может знать наверняка, каков был процент этих попаданий. Возможно, ближе всего к истине в вопросе о магии Кулиану подобрался известный американский писатель-фантаст и сценарист Джон Кроули, который познакомился и подружился с Йоаном незадолго до его смерти, но прочел его работу «Эрос и магия...» еще раньше и находился под сильным впечатлением от нее. В своей статье «Силы тьмы» в *Washington Post* он пишет, что Кулиану «был или стремился быть магом: хорошим магом во всех смыслах. Это была игра, но он играл в нее без отдачи» (*Crowley* 1996).

Обычно ученые (за некоторым исключением) пишут о проблемах, которые их либо очень занимают в познавательном смысле, либо глубоко волнуют в личном плане. Интеллектуальные запросы Ученого, истинного исследователя, всегда являются лишь отражением его экзистенциального мира, индивидуальных устремлений, его личного отношения к этому миру и к миру иному. Страсть, с которой Кулиану погружался в невидимую, таинственную сферу «иных миров» и сакрального знания, говорит о том, что это было непосредственно связано с его внутренним, личным миром, с его собственным «Я». Однако (многие со мной согласятся), самые сокровенные мысли и выводы в трудах «мыслящих» авторов обычно не лежат на поверхности, они читаются между строк и понятны как бы по случайно и неуместно с точки зрения «непосвященного» брошенным фразам. Это происходит, как правило, не потому или

не только потому, что о сокровенном не принято распространяться. Одна из главных причин – страх быть непонятым, высмеянным и отверженным даже в своем окружении (традиция, корнями восходящая к временам инквизиции, а возможно, и к более ранним этапам истории, к сожалению, дожившая до сегодняшнего дня). Известно, что Кулиану, как и другие харизматические ученые, обладающие оригинальным мышлением, способным создать нечто, не вписывающееся в «общепринятую» концепцию, а потому для многих не приемлемое, сталкивался с подобными проблемами. В академической среде, в университете, где он преподавал, как сказал мне один из его коллег, было не мало таких, которые не принимали его взгляды, с недоверием относились к его увлечению оккультизмом, критиковали его «методы обучения» студентов. Это неприятие порой переходило в личную неприязнь. Не случайно, после убийства Кулиану один из его студентов обронил фразу: «Вот теперь они счастливы».

Профессор Лауренс Саливан, известный на Западе религиовед, знавший и симпатизировавший Кулиану, объясняет его научные поиски стремлением выявить базовые структуры фанатизма и веры, чтобы найти «шаблон» предсказуемости самого процесса мышления. По мнению другого ученого, профессора религии Кэрола Залесского, основной интерес Кулиану заключался в понимании того, как разум изобретает миры и делает их столь реальными, что они фактически становятся реальностью. Л. Смит в статье «Игры ума: введение в научные исследования Йоана Кулиану» (Smith 1992: 32) также пишет о поиске теории, которая помогла бы не только объяснить «образцы» мышления прошлого, но предсказывать будущее. Его научная «формула», предназначенная для исследования истории и религий, должна была основываться на синтезе различных теорий, включая теории хаоса, фракталов¹⁷ и физику Эйнштейна. Его интерес к другим наукам, к областям (особенно к психологии и даже нейрофизиологии) был также вызван стремлением объяснить пока еще необъяснимое – универсальность сакрального знания о Вселенной, вышедшего из глубины веков и отразившегося в различных оккультных учениях, которое сегодня практически утрачено, или воспринимается (в его современных формах), как нечто экзотическое.

Несомненно, Кулиану верил в существование иных миров, в «сверхъестественную» мощь человеческого разума, который способен создавать не только абстрактные, мистические образы, но и «реальности» мира земной цивилизации. Он верил в возможность управлять этой силой и влиять на этот мир, столь далекий от совершенства. Именно в таком контексте следует понимать то, что он называл «игрой ума». Но что его, блистательного молодого ученого, уже хорошо известного в Новом и Старом Свете специалиста в своей области, человека, который, наконец, обрел счастье в личной жизни, не устраивало в этом мире, что и почему он хотел изменить в нем?

В небольшом фантастическом рассказе «Язык творения» (The Language of Creation), опубликованном в журнале *Exquisite Corpse* за месяц до смерти Кулиану, повествуется об одном ученом и истории, которая приключилась с ним, когда он неожиданно стал обладателем странной музыкальной шкатулки. Вещица была не обычная - в ней был заключен код языка, на котором говорит Бог – Языка Творения.

Ученый долго пытался взломать секретный код, но ему это не удавалось. К тому же, с ним начали происходить всякие неприятности, и он понял, что рано или поздно его постигнет та же участь, что и прежних трех владельцев шкатулки, которые были убиты в прошлые века. Герой долго раздумывал, как поступить, и, в конце концов, оставив шкатулку на дворовой распродаже, бежал на свободу, бежал от того, что стало его «интеллектуальной тюрьмой» - от страстного, тайного желания изменить несовершенный мир.

В образе героя и других деталях рассказа легко обнаруживаются сходства с реальным человеком – самим Йоаном Кулиану: ученый-историк сорока лет, который преподавал в университете и жил на берегу озера в высотном, хорошо охраняемом доме¹⁸. Если исходить из того, что Кулиану, действительно, подразумевал себя, можно догадаться, что не устраивало ученого, что он хотел изменить. Герой его рассказа пытался взломать код с единственной целью - уничтожить «отвратительный» политический режим. Иными словами, то, что его не устраивало в «этом мире», было связано с политикой и общественным устройством.

Шкатулка с секретом

Творчество Кулиану сделало его известным при жизни и «человеком–мифом» после смерти, а сама смерть придала ему ореол мученика, святого в глазах многих его почитателей.¹⁹ Сообщение в СМИ об убийстве в Чикагском университете произвело настоящую сенсацию – «Первое убийство профессора на американской земле!». В то же время всех, кроме, собственно, того, кто это сделал, интересовал один вопрос: Кто и зачем убил профессора?

Университет Чикаго не напрасно считается одним из самых престижных вузов США: он дал путевку в жизнь 64 нобелевским лауреатам, 113 членам Американской академии искусств и наук.²⁰ Духовное ядро университета, Богословская школа, на базе которой в Чикаго было открыто несколько семинарий, стала «домом» для таких ученых-теологов мировой величины, как П. Тиллич и П. Рикер, не говоря уже о знаменитом учителе Кулиану Мирче Элиаде. 21 мая 1991 г. в Школе Богословия было особенно многолюдно из-за книжной распродажи, которая здесь ежегодно устраивается, и очень оживленно: студенты в предвкушении каникул и перед скорым расставанием всюду собирались группами, чтобы поболтать о планах на лето; кто-то готовился к предстоящим экзаменам, сидя прямо на ступеньках; какой-то инструктор водил группу новичков, знакомя их с правилами безопасности. Даже в обеденное время в некоторых аудиториях еще продолжались лекции и семинары.

Около полудня в аудитории № 202 Свифт холла Школы Йоан Кулиану заканчивал свой курс лекций по основам сравнительного изучения религии; темой дня был «Гностицизм». Профессор рассказывал о текстах кодексов гностического христианства, написанных на коптском языке на папирусных свитках, которые были обнаружены неподалеку от египетского селения Наг-Хаммади лишь в 1945 г.: «Как в клас-

сической детективной истории эти свитки скрывались в надежном месте в течение столетий, поскольку в них были варианты Библии..., бросающие вызов идее истины христианской церкви... Гностики рассматривали жизнь, как саботаж, мятеж и уход от невежественных богов, которые правили миром... Проблема гностических знаний состояла в их применении, в том, как их использовать, чтобы изменить мир... В них [текстах кодексов – О.Г.] предлагается идеальный порядок, который полностью выходит за представления о жизни, какой мы ее знаем ... Тот, кто даст толкование этих текстов не узнает, что такое смерть» (Цит. по: *Anton* 1996:10).

После лекции Кулиану и несколько его студентов пошли на распродажу книг, где к нему подошел его студент Александр Аргеллес, который очень волновался, поскольку после обеда впервые должна была обсуждаться его дипломная работа. «Это всего лишь ритуал, нечего бояться. Ты отлично справишься. Увидимся через пару часов», - сказал Кулиану, и, улыбнувшись, похлопал студента по спине (*Anton* 1996: 11). Но два часа спустя профессор Кулиану был уже мертв. Вспоминая последнюю встречу с Кулиану, Аргеллес позднее скажет Т. Энтону: «Я никогда не забуду ту улыбку» (*Anton* 1992).

Полиция разрабатывала несколько версий. Как известно, Кулиану незадолго до смерти оформил развод со своей женой и собирался жениться на Х. Виснер. И хотя многие считали и говорили, что для Йоана «других женщин, кроме Хиллари, не существовало», полиция проверяла личные связи убитого, поскольку слухи ходили разные.²¹ Однако версия убийства на почве ревности не нашла подтверждений, как и предположение, что преступление совершено на почве профессиональной - каким-либо коллегой или даже студентом. Среди коллег у Кулиану, как говорилось выше, были недоброжелатели, но настоящих врагов в академической сфере у него не было. Если с коллегами он был замкнутым в себе и даже скрытным, со студентами молодой профессор был открытым, забавным и незабываемым. Высокий, с улыбкой, оставляющей ямочки на щеках, и выразительными глазами, он был обожаем студентами, пишет Т. Энтон. Встречаясь, он приветствовал их по имени, говорил с ними об их вне учебных интересах и проблемах, поэтому некоторые из них с нетерпением ожидали окончания летних каникул, чтобы снова увидеть профессора (*Anton* 1992).

Эксперты пришли к заключению, что «по исполнению» убийство было профессиональным, но по выбору времени и места преступления – «безумным». Почему преступник не выбрал для своего деяния более «подходящего» места - дом жертвы или дорогу, по которой Кулиану возвращался домой, а предпочел публичное место, многолюдное здание, которое к тому же охраняется, рискуя быть застигнутым в любой момент? Была и другая странность в поведении «профессионала». Убийство было изуверским и совершилось в месте, хуже которого для смерти выбрать невозможно - в мужском туалете (убийца забрался на сиденье унитаза в соседней кабине, и сверху одним выстрелом из «беретты» 0.25-калибра прострелил голову жертвы). Лицо было обезображено, и коллеги не могли сразу опознать убитого. Все говорило в пользу того, что это было не убийство, а казнь, которая непременно должна была быть публичной, позорной, унижающей человеческое достоинство.

В ходе расследования выяснилось, что Кулиану был вовлечен еще в одну сферу деятельности – общественно-политическую, связанную с его родиной, о чем многие знали, но не подозревали, насколько это было серьезно.

Т. Энтон, начавший проводить свое независимое расследование сразу после случившегося, родственники Йоана Кулиану, его друзья и коллеги – все, за очень небольшим исключением, убеждены в том, что убийство было политическим и совершено (по заказу или непосредственно) последователями дела прекратившей свое существование в Румынии еще в 1940-е гг. «Железной гвардии». Многие из участников этого движения, бежавшие из Румынии нашедшие пристанище в различных странах, в том числе в США, особенно в Чикаго, были связаны с тайной полицией (Секуритате) времен правления Чаушеску и до сих пор «сотрудничают» со спецслужбами Румынии. Версия политического убийства подтверждается хотя и косвенными, но довольно вескими и многочисленными уликами.

В течение последних пятнадцати месяцев Й. Кулиану написал более тридцати политических статей в *Lumea Libera* (газета нью-йоркских эмигрантов), *Corriere della Sera* (ежедневная итальянская газета) и других СМИ с жесткой критикой не только прежних режимов Румынии, но и ныне действующего. Он выступал с подобной критикой на *Радио Свободная Европа* и в прямом эфире Би-Би-Си. За месяц до смерти в румынском диссидентском журнале общественно-политической направленности «22» появилось большое интервью с Кулиану, где он бросил обвинения в адрес нового союза левых и правых сил в Румынии, и назвал Секуритате «силой эпохальной глупости». Отвечая на вопрос о свободных выборах и прессе Румынии, он ответил, что основными благотворителями их стали еще недавно свободные фашисты; революцию же в Румынии назвал «трагическими отходами», навязанными КГБ. Это было его смертным приговором, сказал Ион Пачепа - бывший генерал и глава румынской внешней разведки, бежавший из страны в 1978 году в США (*Anton* 1992). Автор «Red Horizons» (Красные горизонты) - на шумевшей и изданной в 27 странах мира книги, видимо, знал, о чем говорит, ведь в свое время именно ему сам Чаушеску поручил организовать «устранение» Ноэля Бернара, директора румынского отдела радиостанции *Свободная Европа*, сильно докучавшего диктатору и его жене своей критикой (*Самошкин* 2004). По словам И. Пачепы, выстрелом в затылок, так же, как был убит Кулиану, тайная полиция казнила политических заключенных, это – «подпись Секуритате». Бывший шеф румынской разведки, подтвердив слова Кулиану о том, что и после создания Информационной Службы Румынии вместо тайной полиции Секуритате существует и продолжает свое дело в рамках новой структуры, высказал предположение, что это и могло привести к трагедии (*NYT* 1993). Ему ли не знать, где находятся мозоли «большой» румынской политики, на которые нельзя наступать никогда: зная это, очевидно, беглый генерал, приговоренный к смерти «за измену» еще при Чаушеску, сделал две пластические операции и продолжает скрываться.

Хотя Кулиану не был ни генералом, ни даже профессиональным политиком, он был хорошо осведомлен о том, что происходит в его стране, как знал и то, что его

жизнь находится в опасности. Незадолго до смерти он начал получать по телефону и в письмах угрозы и требования «заткнуться», о чем, впрочем, почти никому не говорил и в полицию не заявлял. Но все же он переехал жить в другое место, поменял замки в двери своего кабинета в университете, оформил еще одну страховку жизни. Многие его американские друзья, пишет Д. Кроули, не знали о том, насколько он был вовлечен в общественную жизнь посткоммунистической Румынии, и в какой опасности находился из-за этого (*Crowley 1996*). Лишь однажды одному из друзей он сказал, что «вторгся на опасную территорию» в своих политических статьях и выступлениях. О таинственных посланиях и звонках с угрозами знали только близкие. Накануне своей смерти поздно ночью он позвонил сестре Терезе Петреску и долго говорил с ней. Она убеждала его приехать, поскольку за три дня до этого он решил отложить запланированную поездку в Румынию, сообщив, что ему угрожают (*NYT 1993*).

К расследованию подключилось ФБР, оно находилось в поле зрения Правительства США, тем не менее, убийца так и не был установлен. Детектив Чикагского департамента полиции, опросивший более 100 человек, через два года после случившегося сказал, что в этом «таинственном» деле слишком много вопросов, на которые нет ответа. Но каким бы запутанным это дело ни было, как показали последовавшие за преступлением события, его нити так или иначе ведут в Румынию. После убийства в феврале 1992 г. в румынской ультранационалистической газете *Romania Mare* (Великая Румыния) появилась статья с оскорбительными высказываниями в адрес Кулиану (не хочу их цитировать, поскольку они, действительно, омерзительны), где недвусмысленно говорилось о «подходящем» выборе места «казни» и т.д. Вслед за убийством Кулиану угрозы с упоминанием его имени начали получать другие известные румынские эмигранты, состоящие в оппозиции к румынской власти, как к прошлой, так и к настоящей (*Anton 1992*).

Т. Энтон, обращаясь к рассказу Кулиану «Язык творения», задается вопросом скорее риторического плана: если он знал об угрозе, нависшей над ним, то почему не последовал примеру своего героя, оставив свое прошлое на дворовой распродаже? Я думаю, потому что литературный герой должен отличаться от своего реального прототипа, и он весьма отличается. Кулиану был свободолюбивым человеком, как и его герой, но одержимость идеей свободы, «абсолютной свободы», выходящей за пределы собственной «интеллектуальной тюрьмы», в возможность которой он верил, у него, очевидно, преобладала над страхом смерти.

В своем письме М. Элиаде в 1979 г. он написал:

...у меня нет, к сожалению, никаких иллюзий на тот счет, что «свобода» сегодня, где бы то ни было в мире, не является чистой химерой. Мне кажется, что Вы думаете, что в социалистический режим в Румынии сегодня - неизбежное проклятие. Вы полагаете, что этого нельзя изменить... Но я думаю, что мы являемся свидетелями очень интересного явления... которое, возможно, могло бы привести к «подъему сознания», как бы сказал Вебер. Верно, что внутренняя история Румынии всегда определялась извне: это то, что сделал Союз, и то, что случилось в 1877 и в 1919, ког-

да мирный договор уже был подписан в Буфте. Мы лишь однажды испытали «рост сознания» ...- тот, что произошел в период между этими двумя войнами – но он так и не «набрал большой скорости»! ...Но что такое «абсолютная свобода»? Я простой интерпретатор, и мне приходится метаться между множеством гипотез:

1. Свобода возможна лишь в пределах сферы искусства. Но, если дело обстоит таким образом, абсолютной свободы не может быть никогда;

2. Свобода возможна лишь тогда, когда найдены новые сферы сознания. Этот тезис поддерживается многими американскими группами (*Consciousness III* и их теоретиками), которые, точно также как янсенисты²², верят, что, если они встанут на этот путь, то выиграют «войну» с «плохими парнями», просто, применив свою мистическую силу, когда те придут их «съесть»;

3. Свобода возможна только в момент, когда активизирована определенная зона воображения, которая даст импульс к спонтанному существованию ... Эта третья гипотеза включает две прежние;

4. Абсолютная свобода означает, что она возможна лишь в невероятных условиях. Но... ее можно достичь посредством веры (веры в одну из традиционных религий или в любую другую доктрину об ином мире). (*Eliade, Couliano* 2004. Letter 65. May 17, 1979).

Примечания

¹ Тед Энтон – профессор Университета им. Винсента де Поля (DePaul University) в Чикаго.

² Ставшая бестселлером в США, она впоследствии была переведена на итальянский, немецкий и румынский языки.

³ Anton 1992, 1996; Ciurtin 2005; Casadio 1993a, 1993b, 2001, 2002; Eco 1997; Idel 2001; Marchianò 1993, 2001; Sorin 2001, 2003; Zolla 1990 и мн. др.

⁴ Мне удалось обнаружить лишь переведенный на русский язык словарь по религиям (*Eliade, Couliano* 1990 - *Элиаде, Кулиану* 1997), написанный в соавторстве с М. Элиаде, и поэтому, очевидно, удостоившийся внимания издателей.

⁵ Книга была переведена на английский (1987), румынский (1994), итальянский (1995), испанский (1999) языки.

⁶ «Техники экстаза...» (*Couliano* 1984b) переведена и издана в Италии в 1986 г., «Исследования западного дуализма...» (*Couliano* 1986) - в 1989 г.

⁷ В Румынии она переиздавалась в 1995, 1998 (București: Nemira) и в 2004 (Iași: Polirom).

⁸ Научные труды: *Couliano* 1984a, 1984b, 1986; *Culianu* 1978, 1981, 1983; 1985, 1987, 1989a, 1991a, 1992; *Culianu, Wiesner* 1991 и др. Художественная литература: *Culianu* 1989b; *Culianu* 1991b.

⁹ Джулио Чезаре Эвола (1898-1974) – итальянский мыслитель, эзотерик и писатель, выходец из аристократической сицилийской семьи, который за свою долгую и активную жизнь перепробовал много ролей в поиске самого себя. Артиллерийский офицер Первой Мировой после войны стал одним из ведущих лидеров дадаистов в Италии, увлекся оккультизмом. Учения Эволы основывается на противопоставлении современному профанному миру сакрального мира традиции. Он превозносил особый тип человека, внутренне принадлежащего к миру

традиции, но вынужденного внешне пребывать в антитрадиционном и десакрализованном мире. «Черный барон», как его называют, весной 1936 г. взял интервью у лидера румынской «Железной гвардии» Кодряну. В «Моей встрече с Кодряну», опубликованной в Риме в 1973 г. в *Civiltà*, он с восторгом писал, что это «одна из наиболее благородных и чистых фигур». В период правления Муссолини Эвола не пострадал, хотя и иногда позволял себе критиковать фашистский режим. В автобиографии Эвола пишет, что не знал о том, что нацисты уничтожали евреев, а если бы знал, то «не одобрил бы этого». Тем не менее, во время Второй мировой войны он вызвался поработать на Германию, переводя масонские документы, и в 1951 году был арестован за «содействие фашистам».

¹⁰ А. Донини, занимавшийся историей христианства и обратившийся позднее к догматическому марксизму, был также известной политической фигурой в Италии. Преданный Москве коммунист, каким его считали, Донини в 1949–1950 гг. пытался препятствовать публикации работ Элиаде в Италии, распространяя обвинительные в адрес последнего слухи, источником которых было румынское Посольство. И позднее его суждения относительно Элиаде основывались на недостоверных и сомнительных источниках.

¹¹ Диссертация «*Religiosità cosmica e cultura tradizionale nel pensiero di Mircea Eliade, 1972–1973*», защищенная в Туринском университете, не была опубликована, но в 1982 г. Р. Скандьё опубликовал в Турине другую свою работу «Свобода и террор в истории. Происхождение и значение антиисторизма Мирчи Элиаде» (*Scagno 1982*). В 1974 г. Элиаде встретил Скандьё в Университете в Яссах, где тот преподавал итальянский язык. Позднее в одном из своих опубликованных «Дневников» (*Journal*) он напишет: «Я признался ему, что обычно мне очень трудно читать такие работы. Когда меня хорошо понимают, мне нечего добавить; когда не понимают - что я могу еще добавить?».

¹² Нае Ионеску – учитель Элиаде, профессор, один из первых представителей интеллектуальной элиты, поддержавших К. Кодряну.

¹³ Позднее работа была переведена и издана во Франции (1990), в США (1992).

¹⁴ Эти идеи подвигли его и на создание в 1990 г. специального журнала *Incognita*, где публиковались работы, базирующиеся на синтезе исторических и филологических наук, эпистемологии и когнитивистики. Журнал прекратил свое существование после смерти Кулиану. За период 1990–1991 гг. вышло четыре его выпуска.

¹⁵ We found a rational explanation to this in the awesomemistral *awesomemistral*, a wind so fatal that Moroccan traditional law used to excuse a husband if he killed one of his wives during the windy season. Этот случай, как подтверждение оккультного мироощущения Кулиану, упоминается в книге Т. Антона (*Anton 1996: 119*), а также в рецензии на нее Клер Фангер, где дается иная интерпретация события (*Fanger 2000: 109-111*).

¹⁶ *Exquisite Corpse* – журнал румынской эмигрантской интеллигенции в США, основан известным писателем А. Кудреску.

¹⁷ Фрактал (от лат. *fractus*, букв. *состоящий из фрагментов*) – структура, состоящая из частей, в каком-то смысле подобных целому.

¹⁸ Кулиану жил в таком же доме в Чикагском Гайд-парке, где находится озеро.

¹⁹ Недавно я обнаружила в Интернете сайт одной известной прорицательницы, которая опубликовала в нем свое «интервью» с духом Кулиану, где последний предстает мессией, посланным на землю примерно с той же целью, что и Иисус.

²⁰ Среди его выпускников имена известного композитора Филиппа Гласа, который получал здесь знания по математике и философии, и не менее известной писательницы Сьюзен Зонтаг,

защитившей здесь дипломную работу по искусствоведению. Здесь преподавали выдающиеся физики современности Энрико Ферми и Леон Ледерман.

²¹ Весной 2002 г. в Мессине, где проходила конференция Европейской ассоциации истории религий (ЕАНР), я познакомилась с одним из коллег Йоана, англичанином, хорошо знавшим покойного. В приватной беседе он высказал уверенное предположение, что причина убийства банальна – ревность. Некоторые студентки Йоана, по его словам, «были без ума» от него.

²² Янсенисты – последователи учения голландского богослова Корнелия Янсения (1585–1638) – и сторонники движения (XVII–XVIII в.) внутри католической церкви, которое подчёркивало испорченную природу человека вследствие первородного греха, проповедовало необходимость Божественной благодати и утверждало идею предопределения. Янсенизм был осужден и признан ересью.

Литература

- Самошкин* 2004 - *Самошкин В.* Предатель или герой? «Побег века» снова будоражит умы в Румынии // Военное обозрение «Независимой газеты». 19 марта 2004.
- Элиаде, Кулиано* 1997 - *Элиаде М., Кулиано И.* Словарь религий, обрядов и верований. М.: Рудомино (и СПб.: Унив. кн.), 1997.
- Anton* 1992 - *Anton T.* The Killing of Professor Culianu // *Lingua Franca*. Vol. 2. September- October 1992, № 6.
- Anton* 1996 - *Anton T.* Eros, Magic and the Murder of Professor Culianu. Northwestern University Press, 1996.
- Casadio* 1993a - *Casadio G.* Ioan Petru Culianu (1950–1991) // *Manichaeon Studies. Newsletters*, 1993. Pp.4-15.
- Casadio* 1993b - *Casadio G.* Ricordo di Ioan Petru Culianu (1950–1991) // *Religioni e società*. 1993, № 8: 85–92.
- Casadio* 2001 - *Casadio G.* Ioan Petru Culianu ou la contradiction // *Archævs*. 2001, № 5: 15–24.
- Casadio* 2002 - *Casadio G.* Ioan Petru Culianu, ovvero la storia delle religioni come vita e come arte // *Archævs*. 2002, № 6: 313-324.
- Ciurtin* 2005 - *Ciurtin E.* Culianu, Joan Petru // *Encyclopedia of Religion*. Second edition. Vol.3.USA:Thomson Gale, 2005. Pp. 2079-2081.
- Couliano* 1984a - *Couliano J.P.* Éros et Magie à la Renaissance. 1484. Paris: Flammarion, 1984.
- Couliano* 1984b - *Couliano J.P.* Expériences de l'extase: Extase, ascension et récit visionnaire de l'hellénisme au Moyen Age» Paris: Payot, 1984.
- Couliano* 1986 - *Couliano J.P.* Recherches sur les dualismes d'Occident: Analyse de leurs principaux mythes. Lille: Lille-Thèses, 1986.
- Culianu* 1978 - *Culianu J.P.* Mircea Eliade. Italy: Assisi: Cittadella Editrice, 1978.
- Culianu* 1981 - *Culianu J.P.* Iter in silvis. Saggi scelti sulla gnosi e altri studi. Messina: EDAS, 1981.
- Culianu* 1983 - *Culianu J.P.* Psychanodia I. A Survey of the Evidence Concerning the Ascension of the Soul and Its Relevance. Leiden: Brill, 1983.
- Culianu* 1985 - *Culianu J.P.* Gnosticismo e pensiero moderno: Hans Jonas. Roma: L'Erma, 1985.
- Culianu* 1987 - *Culianu I.P.* Eros and Magic in the Renaissance. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Culianu* 1989a - *Culianu J.P.* I miti dei dualismi occidentali. Milan, 1989.
- Culianu* 1989b - *Culianu J.P.* La collezione di smeraldi. Milan, 1989.

- Culianu* 1990 - *Culianu J.P.* Jormania liberă // *Agora*. Vol. III, № 2. Juli, 1990. Pp. 215–219.
- Culianu* 1991a - *Culianu J.P.* I viaggi dell'anima. Traduzione di Maria Sole Croce. Milano: Arnoldo Mondadori, 1991.
- Culianu* 1991b - *Culianu J.P.* Hesperus. Milan, 1991.
- Culianu* 1991c - *Culianu I. P.* Out of This World: Other-worldly Journeys from Gilgamesh to Albert Einstein. Boston, 1991.
- Culianu* 1992 - *Culianu I. P.* The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism. San Francisco: HarperCollins, 1992.
- Culianu* 1998 - *Culianu I. P.* Mircea Eliade. București: Nemira, 1998.
- Culianu, Wiesner* 1991 - *Culianu I. P., Wiesner H. S.* The Eliade Guide to World Religions. San Francisco: HarperCollins, 1991.
- Crowley* 1996 - *Crowley J.* Forces of Darkness // *The Washington Post*. October 20, 1996.
- Donini* 1977 - *Donini A.* Fenomenologia della religione // *Enciclopedia delle religioni*. Milano: Teti Editore, 1977.
- Eco* 1997 - *Eco U.* Murder in Chicago // *The New York Times*, Review of Books. April 10, 1997.
- Eliade* 1969 - *Eliade M.* Un om mare (A Great Man). // *Fantastic Tales*. Translated by Eric Tappe. London: Dillan's, 1969. Pp.1199-1203.
- Eliade* 1971 - *Eliade M.* Noaptea de Sânziene. Vol. I-II. Paris: Ioan Cușa, 1971.
- Eliade* 1990 - *Eliade M.* Journal IV, 1979-1985. USA: University of Chicago Press, 1990.
- Eliade, Couliano* 1990 - *Eliade M., Couliano I.P.* Dictionnaire des Religions. Paris: Plon, 1990.
- Eliade, Culianu* 2004 - The correspondence between Mircea Eliade and Ioan Petru Culianu // *Archævs*. Issue VIII (1-4), 2004.
- Enciclopedia* 1976 - *Enciclopedia Europea*. Milano: Garzanti, 1976.
- Fanger* 2000 - *Fanger C.* Ted Anton. Eros, Magic, and the Murder of Professor Culianu // *Esoterica*. Vol. II, 2000. Pp. 107-113.
- Filippini* 1979 - *Filippini E.* Quando Liala incontra Julius Evola // *La Repubblica*, 1979. № 4.
- Idel* 2001 - *Idel M.* Ioan Petru Culianu // *Archævs*. 2001, № 5: 11–14.
- Marchianò* 1993 - *Marchianò G.* Un uomo per altre latitudini: Ioan Petru Culianu // *Estetica* 1993. Oriente e Occidente. Bologna, 1993.
- Marchianò* 2001 - *Marchianò G.* // I primi dieci anni postumi di Culianu: congetture su un pensiero fermato // *Archævs*. 2001, № 5: 7–10.
- NYT* 1993 - Scholar's Death Remains a Mystery // *The New York Times*. January 17, 1993.
- Jesi* 1979 - *Jesi F.* Cultura di destra. Milano: Garzanti, 1979.
- Scagno* 1982 - *Scagno R.* Libertà e terrore della storia. Genesi e significato dell'antistoricismo di Mircea Eliade. Torino: Print centro copyrid, 1982.
- Smith* 1992 - *Smith L.* Mind Games: A Guide to Scholarship of Joan Culianu // *Lingua Franca*. September- October 1992, № 6.
- Sorin* 2001 - Religion, Fiction, and History. Essays in Memory of Ioan Petru Culianu. Ed. by A. Sorin. I-II vol. Bucharest, Romania, 2001.
- Sorin* 2003 - *Ioan Petru Culianu. (The Man and the Works)*. Ed. by A. Sorin A. Iasi, Romania, 2003.
- Zolla* 1990 - *Zolla E.* Ioan Petru Culianu // *Leggere*. February 18, 1990.